

В. Крыжановская

Рекенштейны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В11

В11 **В. Крыжановская**
Рекенштейны / В. Крыжановская – М.: Книга по Требованию, 2013. – 352 с.

ISBN 5-7905-1697-1

Книга уводит читателя в романтическую атмосферу прошлых столетий. Роковая любовь и ревность; древнее проклятие, царящее над старинным родом; романтические и драматические события жизни известной аристократической семьи, и рядом с этим - неуловимый покров мистики, присутствующей во многих обстоятельствах жизни героев романа.

ISBN 5-7905-1697-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© В. Крыжановская, 2013

Часть 1
Габриэль

I. Воспитатель

По одной из прекрасно содержимых дорог прирейнской Пруссии быстро мчалась щегольская карета, запряженная парой лошадей, которыми правил старый кучер в ливрее с графской короной на пуговицах. Сентябрь был на исходе, и осень давала себя чувствовать. Бесперывно шел мелкий частый дождь, и все кругом тонуло в густом сероватом тумане.

Дорога была гористая, окаймленная с обеих сторон сплошным лесом. Порой сквозь его прогалины открывались чудные ландшафты; но путник, сидевший в карете, казалось, был погружен в тяжелые думы и не обращал никакого внимания на местность, по которой проезжал. Плед, дорожный несессер и сундук на козлах показывали, что он едет издалека.

Путник был молодой человек лет двадцати восьми, высокий, худощавый, но крепко сложенный; его характерное лицо с правильными чертами возбуждало симпатию. Он снял шляпу и откинул голову на подушки кареты; золотисто-русые волосы, короткие, но густые, мягкими прядями обрамляющие его белый широкий лоб, резко выделялись на синем фоне атласа; усы и небольшая борода были того же цвета. Брови были темные, соединялись на лбу и оттеняли большие черные глаза, спокойные и строгие; в эту минуту они были отуманены мрачной грустью, которая сказывалась и в суровом выражении губ; но порой его мужественное лицо озарялось отблеском энергии и гордости, доходящей до упрямства.

Барон Готфрид Веренфельс был последний отпрыск благородной и древней фамилии, обедневшей мало-помалу вследствие начала во-

йн и несчастий. Отец его пытался поправить состояние спекуляциями, которые сначала удались, но потом окончательно разорили его. Подавленный этим несчастьем, старый барон застрелился, оставив своему единственному сыну лишь долги да заботу о матери и о молодой жене, с которой он едва только вступил в брак.

Более года Готфрид отчаянно боролся, чтоб сохранить маленькое имение, обеспечивающее ему скромное существование, но неожиданное банкротство лишило его этого последнего ресурса; смерть жены не менее жестоко поразила его сердце, и нервная болезнь приковала его к постели на несколько месяцев. Тотчас по выздоровлении молодой человек стал обдумывать, как создать себе новое положение.

Он был разбит, но не уничтожен. С помощью одного из друзей Веренфельс поместил мать и свою маленькую Лилию, которой был тогда год, к одной старой родственнице, своей крестной матери, а сам решился ехать в Америку попытать счастья. Он готовился к отъезду в Новый свет, когда неожиданное предложение изменило его намерение.

Банкир Фридман, старинный друг его отца, не переставал оказывать доброе расположение молодому человеку; теперь он письменно просил его немедленно повидаться с ним по весьма важному делу.

Обменявшись поклоном с Готфридом, банкир сказал без всяких предисловий:

— Мой милый Веренфельс, я имею нечто предложить вам, и если вы согласитесь, то, по-моему, это будет выгодней, чем поездка в Америку. Я сейчас получил письмо от моего друга и клиента, графа Вилибальда Рекенштейна. Он просил меня рекомендовать ему человека умного, образованного, хорошего круга, а главное энергичного, который взял бы на себя воспитание его сына, мальчика с испорченным характером вследствие несчастных обстоятельств, ленивого и дерзкого до крайности. В течение полугода он вывел из терпения трех воспитателей.

— Вы считаете выгодной должностью быть козлом отпущения у такого чудовища? — спросил Готфрид с усмешкой.

— Погодите. Кроме этого чудовища, которому едва девять лет, в доме его отец — такой симпатичный и благородный человек, како-

го только можно себе представить; к тому же больной и одинокий. Он живет уединенно в своем Рекенштейнском замке. Практическая сторона дела — значительное вознаграждение, которое граф предлагает тому, кого я рекомендую; оно равняется жалованью большой государственной должности. Это сейчас вывело бы вас из затруднительного положения и дало бы вам возможность обеспечить вашей матери и вашему ребенку удобства жизни. Вы могли бы даже откладывать на будущее время; таким образом, вам было бы легко впоследствии попытаться счастья в Новом свете, когда вы исполните принятое вами обязательство и маленький Танкред — согласно желанию отца — поступит в военную школу. Со свойственной вам энергией, я полагаю, вы справитесь с маленьким чертенком.

Готфрид опустил голову. Рассудок говорил ему, что его старый друг прав.

— Вследствие каких обстоятельств этот несчастный ребенок так испорчен?

— Это вина его матери, — отвечал Фридман. — Графиня, говорят, отчаянная кокетка, занята нарядами, жаждет всеобщего поклонения и отравляет всех, кто попадает в ее сети. Была ли она виновна перед своим мужем или нет, но только он имел дуэль с одним слишком ревностным ее обожателем. Графиня уехала от мужа и увезла Танкреда, которому было тогда три года. С тех пор она живет за границей, где ведет веселую жизнь, сохраняя, впрочем, наружное приличие, так как возит с собой старую родственницу. Но сына своего она решительно развратила своим безграничным обожанием и поклонением его недостаткам. — Граф, серьезно раненный на дуэли, заперся с тех пор в своем замке и только в прошлом году узнал, какое воспитание получает его сын. Он потребовал возвращения ребенка, и мать отдала его с условием увеличения ее годового содержания. Остальное вам известно. Я забыл лишь сказать, что, так как правая рука графа осталась слабой, вам придется помогать ему в его переписке.

Готфрид согласился принять предлагаемую ему должность, и мы застаем его едущим на место своего нового назначения. Какое-то тайное опасение теснило его грудь, и его гордая душа возмущалась при мысли о подчиненном положении, которое ожидало его.

Глубоко вздохнув, он выпрямился, провел рукой по лбу, как бы желая отогнать докучливые думы и, опустив стекло, стал глядеть в окно. Дорога в этом месте загибалась и довольно быстрым скатом спускалась в долину, лежащую среди лесистых гор; в глубине ее, на холме, возвышалось обширное здание, окруженное садами. То был Рекенштейн. Сердце молодого человека, непонятно для него самого, почему-то сжалось.

Пока Готфрид рассматривал свою будущую резиденцию, карета въехала в аллею вековых дубов и повернула в ворота золоченой решетки, над которыми возвышался герб; затем, обогнув площадку, украшенную фонтаном, она остановилась у подъезда.

Два лакея выбежали встретить приезжего, и один из них, помогая ему выйти, почтительно сказал:

— Граф желает вас видеть, сударь, как скоро вы отдохнете.

— Проводите меня в назначенную мне комнату, я немедленно оправлюсь и тотчас пойду к графу.

Предшествоваемый лакеем, Готфрид прошел вестибюль, убранный цветами, откуда лестница с золочеными перилами и усталая ковром вела в комнаты верхнего этажа; затем длинная анфилада парадных комнат привела его в прелестный маленький зал, смежный со спальней, где тотчас и сложили его вещи.

— Куда ведет эта дверь? — спросил Готфрид лакея, помогавшего ему переодеться, указывая на полупущенную портьеру.

— В комнату маленького графа; только теперь господин Танкред запер ее на ключ, так как он очень недоволен вашим приездом.

— Разве он сидит в запертой комнате?

— Маленький граф в саду. Он очень рассердился, когда доложили о вашем приезде; разбил большую китайскую вазу, положил ключ в карман и убежал.

Готфрид, окончив свой туалет, направился в комнаты владельца замка. Старый камердинер ввел молодого человека — доложив о нем предварительно — в кабинет графа. Обои и мебель темно-зеленого цвета придавали этой комнате суровый, мрачный вид.

Возле окна человек лет около пятидесяти сидел в кресле с высокой спинкой, украшенной гербом. Ноги его, обложенные подушками,

были укутаны одеялом; лицо, болезненно-бледное, сохраняло отпечаток замечательной красоты; темные глаза, отуманенные грустью, выражали доброту и страдание; волосы на голове, еще густые, начинали седеть.

— Добро пожаловать, месье Веренфельс! Мой старый друг Фридман писал мне о вас так много хорошего, что вы уже овладели моим доверием и моей симпатией, — сказал граф, протягивая Готфриду свою исхудалую руку и устремляя приветливый взгляд на красивую, атлетическую фигуру молодого человека.

— Благодарю вас, граф, постараюсь оправдать ваше доверие, — отвечал Готфрид, садясь в кресло, которое указал ему граф.

— Тяжелую обязанность я взваливаю на ваши плечи, мой юный друг, — продолжал хозяин дома. — Характер Танкреда таков, что я и понять не могу, откуда он мог взять такие манеры. Его грубость и леность невообразимы; у него отвращение ко всякому труду. Никто до сих пор не мог побороть его упрямства, а когда он впадает в бешенство, то не помнит себя. А между тем, когда вы его увидите, то пожалеете, как и я, что это маленькое существо, так богато одаренное, погибает нравственно.

— Я сделаю все, что человечески возможно, чтобы исправить вашего сына. Но уполномочиваете ли вы меня, граф, употреблять меры строгости, если я найду это нужным?

— О, конечно, даю вам на то полное право. Передаю вам, так сказать, мою отеческую власть. Наказывайте строго, секите его, если он того заслужит. Я сам давно должен был начать это делать, но мое болезненное состояние лишило меня всяких сил.

В эту минуту в соседней комнате раздались шаги, и в кабинет ворвался маленький мальчик в синей суконной матроске.

Готфрид с любопытством глядел на него, и ему стали понятны и сожаление графа, и его слабость к сыну. Никогда он не видал такого красивого ребенка. Бледное личико с тонкими и правильными чертами камен, обрамленное длинными черными локонами с синеватым отливом, казалось идеалом, который мог создать лишь великий художник. Но пурпуровый ротик выражал каприз и упрямство, а большие синие, как васильки, глаза сверкали гордостью и дерзостью.

Увидев нового воспитателя, Танкред остановился и, не удостоив поклоном, смерил его презрительным взглядом.

— Черт его принес! — проворчал он. Затем отвернулся, бросился в кресло, положил ноги на стол и, схватив папироску, зажег ее и стал курить.

— Вот видите! — сказал граф с унынием, и в его голосе и жесте слышалось нервное раздражение.

— Я приступлю к воспитанию моего ученика и заставлю его понять, как он должен вести себя в присутствии отца.

Затем Готфрид спокойно подошел к Танкреду, взял у него папироску, бросил ее в пепельницу и, приподняв мальчика, поставил его на ноги.

— Маленьким детям не полагается курить, и я запрещаю тебе дотрагиваться до папирос, — сказал он строго. — И чтобы я в первый и последний раз видел, что ты позволяешь себе так непристойно держаться перед своим отцом и передо мной. Берегись не слушаться меня, если не хочешь быть строго наказанным.

Танкред на минутку как бы окаменел, а затем, дрожа от злости, кинулся к отцу и, топая ногами, закричал:

— Папа, ни одного дня не смей оставлять здесь этого нахала, который позволяет себе дотрагиваться своими грязными руками до графа Рекенштейна и угрожать ему; прогони его тотчас же. Я этого хочу.

— Танкред, не стыдно ли тебе! Ты совсем не любишь меня, если причиняешь мне такие волнения, — проговорил граф слабым голосом.

Мальчик бросился к нему, охватил его шею и зарыдал.

— Я не хочу никого слушаться, — твердил он сквозь слезы. — У мамы все делали, что я хотел. Учиться мне скучно. Если ты хочешь, чтобы я тебя любил, прогони этого грубияна.

— Будь благоразумен, дитя мое, — отвечал граф, целуя кудрявую голову мальчика. — Месье Веренфельс твой воспитатель; ты должен его уважать и слушаться. Будь вежлив, прилежен, и он будет к тебе добр. Графу Рекенштейну необходимо учиться; блестящий офицер, каким ты хочешь быть со временем, не может оставаться невеждой, не умеющим ни читать, ни писать.

Граф замолчал и, бледнея, откинулся на спинку кресла. Готфрид поспешно подошел и, отводя Танкреда, сказал:

— Видишь, как твое поведение огорчает отца. И как тебе не стыдно так плакать; большой мальчик рыдает оттого, что надо учиться. Какой срам! Пойдем.

Танкред хотел сопротивляться, но встретив спокойный, энергичный взгляд своего нового воспитателя, он опустил голову, дал взять себя за руку и покорно пошел за Готфридом.

Придя в свою комнату, Готфрид с тем спокойствием, которое, по-видимому, действовало внушительно на его воспитанника, приказал тому отпереть замкнутую дверь. После минутного колебания Танкред вынул из кармана ключ и молча, с угрюмым взглядом, подал его лакею. Дверь мгновенно была открыта.

С новым удивлением Готфрид вошел в спальню с голубой атласной обивкой на стенах и на мебели. Широкая кровать, украшенная кружевами, стояла на возвышении, покрытом мехом; а рамка туалетного зеркала из массивного серебра изображала амуров, держащих свечи. Готфрид почувствовал неприятное ощущение, войдя в эту комнату, и спросил лакея, по приказанию ли графа было так убрано помещение его сына.

— Нет, — отвечал лакей. — Это господин Танкред хотел непременно занять комнаты графини, а так как сам барин ни во что не входит, то управляющий приготовил для вас будуар и уборную.

В тот же вечер за игрой в шахматы с графом Готфрид попросил у него разрешения занять со своим воспитанником другое помещение, более соответствующее нуждам ученика.

— Конечно, — отвечал граф, — выбирайте какие хотите комнаты. Я отдам приказание управляющему устроить их согласно вашим указаниям.

На следующий день, осмотрев замок, Готфрид выбрал четыре комнаты, смежные со средней частью здания времен Возрождения; одна из них выходила на широкую террасу, ведущую в сад.

Танкред был взбешен такой переменой. Он не смел высказывать своего неудовольствия, так как его воспитатель внушал ему невольный страх; но затаенная злоба кипела в нем и при первом случае вырвалась наружу.

Это было на третий день их водворения в новом помещении. Они были в классной комнате, смежной с террасой. Готфрид сидел у окна и читал газету. Танкред, стоя у дверей террасы с книгой в руках, не учился, а барабанил с досадой по стеклу. Вошел лакей и положил на стол большую папку тетрадей.

— Возьми прочь этот хлам, который я видеть не хочу, и убирайся к черту, — крикнул Танкред, взглянув искоса на врагов своего спокойствия. Заметив, что лакей не обращает никакого внимания на его слова, Танкред побагровел, разбил ногой стекло балкона, подбежал к столу, схватил тетради и швырнул их в лицо лакея, осыпая его потоками брани.

Готфрид, молча следивший за этой сценой, встал и без раздражения, но как человек, обладающий непреодолимой властью, взял маленького графа за уши, поставил его на колени и сказал:

— Подними тетради и положи их в порядке; пока это не сделаешь, ты не будешь обедать.

Такое обращение и такая угроза довели до крайнего раздражения озлобленного мальчика. С криком орленка он вскочил на ноги, бросился на лакея, бил его кулаками и ногами, ухватился за его жилет, оторвал от него карман и неистово кричал:

— Негодяй, каналья, я сверну тебе шею, если ты сию минуту не возьмешь его за шиворот и не вышвырнешь прочь. Если же послушаешься меня, я дам тебе десять талеров!

Готфрид, видя, что надо приступить к энергичным мерам, чтобы остановить зло в корне, взял камышовую тросточку, гибкую как хлыстик, и прежде чем маленький граф мог ожидать чего-нибудь подобного, он был схвачен и подвергнут примерному наказанию. Напрасно он вырывался из железной руки, которая его держала: силы и упрямство его были преодолены, что и сказалось потоком слез. В первый раз непокорный ребенок был побежден.

Чтобы дать своему ученику поразмыслить на свободе о суровом уроке, который был дан ему, Готфрид оставил его обедать одного в своей комнате. Но когда, отобедав сам с графом, Веренфельс возвратился к себе, то не нашел уже там Танкреда; он убежал, и его нигде нельзя было найти.